

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

М. С. Михайлов

К ВОПРОСУ О ЗАНЯТИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ТАТАРСКИМ» ЯЗЫКОМ¹

«Прощай, мой друг. Я буду тебе писать про страну „чудес“ — восток»,² — писал М. Ю. Лермонтов в марте 1837 г., перед отъездом из Петербурга в ссылку на Кавказ, Святославу Раевскому, своему другу детства, сосланному в Олонецкую губернию за распространение стихов «На смерть поэта».

В конце 1837 г. Лермонтов сдержал свое слово, прислав Раевскому письмо с описанием «страны „чудес“», свидетельствующим об исключительном интересе поэта к Кавказу.

«С тех пор, как я выехал из России, — писал он, — поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании то на перекладной, то верхом; изъездил [линию] всю вдоль от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже.

«Когда перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, оттуда видна половина Грузии, как на блюде; право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит, ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь».³

Плененный Кавказом, Лермонтов призывал Раевского посетить Кавказ⁴ и советовал Шан-Гирею вместо предполагаемой им поездки в Америку приехать туда же, говоря, что оно и «ближе и гораздо веселее».⁵

Интерес поэта к Кавказу не ограничивался одним любованием его изумительными пейзажами и необычными условиями жизни там. Его

¹ Татарским языком Лермонтов называет азербайджанский язык, который фактически он и изучал.

² Полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова, под редакц. и с примеч. проф. Д. И. Абрамовича, т. IV, изд. Акад. Наук, СПб. 1911, стр. 328. В дальнейшем будет указываться только том и страница.

³ Т. IV, стр. 330.

⁴ Т. IV, стр. 333.

⁵ Т. IV, стр. 341.

интересы шли дальше: он интересовался кавказским фольклором и тем языком, который он называет «татарским».

Лермонтов знал много языков, владел французским и немецким, как родным,¹ написал несколько французских стихотворений, например стихотворение «L'attente» («Je l'attends dans la plaine sombre»), в результате мистификации П. П. Вяземского долгое время считавшееся обращенным к французской поэтессе Омер де-Гель, которая будто бы называла поэта «Прометеем, прикованным к скалам Кавказа», «золотым руном Колхиды».²

В бытность свою на Кавказе Лермонтов любил «гортанный разговор» татар. В стихотворении 1840 г. «Я к Вам пишу: случайно право» он говорит:

И вижу я, неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие:
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор,
И их гортанный разговор...

В уже цитированном письме, посланном Раевскому из Тифлиса в конце 1837 г. с описанием передвижения по Кавказу, есть сообщение о том, что Лермонтов изучает «татарский» язык:

«Начал учиться по-татарски — язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться».³

Определить точно начало занятий Лермонтова «татарским» языком, повидимому, невозможно; о прекращении же их можно высказаться с большей определенностью. Именно, если фразу в вышеприведенной цитате «да жаль, теперь не доучусь» учесть в свете тех фактов, что после смотра царем в Тифлисе 10 октября четырех эскадронов Нижегородского драгунского полка «11 октября последовал приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом», что он «почти всю зиму провел в Ставрополе», «в первых числах января приехал в Петербург и прожил здесь до половины февраля»,⁴ то можно предположить, что занятия Лермонтова «татарским» языком прекратились в октябре 1837 г.

Эти занятия, нашедшие отражение в творчестве Лермонтова, уже давно привлекли внимание исследователей.

Так, Д. И. Абрамович отмечает, что в языке поэта «довольно часто

¹ Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. Русское обозрение, 1890, VIII, стр. 728.

² Т. V, стр. CIV, CV, CVI; М. Ю. Лермонтов, Полн. собр. соч., под редакц. Г. М. Эйхенбаума, т. I, Academia, М.—Л., 1936, стр. 255.

³ Т. IV, стр. 30.

⁴ Т. V, стр. XXVII, XXXI.

встречаются восточные слова и выражения, которые Лермонтов слышал на Кавказе», и приводит их список.¹

Л. П. Семенов отмечает, что «на Кавказе поэт приобрел большой запас местных языков и наречий и вводил их в русский язык; они часто попадают в его стихах и прозе».² Он же в другом месте пишет, что поэт применяет «горские выражения или их перефразировку».³

В указанном отношении большой интерес представляют «Ашик Кериб» (1837), «Бэла» (1840) и четверостишие «Лилейной рукой поправляя» (1841).

Действие повести «Бэла» происходит в Чечне. Так, автор спрашивает у Максима Максимовича: «А вы долго были в Чечне?», — и получает от него ответ: «Да, я лет десять стоял там в крепости ротою, у Каменного брода — знаете?» (стр. 9).⁴

Когда Бэла скучает, очутившись в крепости, Печорин спрашивает ее: «Разве ты любишь какого-нибудь чеченца? Если так, я тебя сейчас отпущу домой» (стр. 22).

Когда Печорин по целым дням стал пропадать из крепости, то Бэле казалось, что его «чеченец утащил в горы» (стр. 31).

В своей исповеди Максиму Максимовичу Печорин говорит: «Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями» (стр. 34).

Из приведенных цитат видно, что действие повести происходит в Чечне.

По сообщению проф. Висковатова, «в основании рассказа „Бэла“ лежит происшествие, бывшее с Хостатовым Акимом Акимовичем [дядей Лермонтова, — М. М.], у которого действительно жила татарка этого имени».⁵

У Лермонтова героиня повести «Бэла» — черкешенка. О том, что лермонтовская «Бэла» — черкешенка, можно сделать заключение по следующим местам повести.

«Как я только проведал, — говорит Максим Максимович, — что черкешенка у Григория Александровича, то надел эполеты, шпагу и пошел к нему» (стр. 20). На возражения Максима Максимовича относительно похищения Бэлы Печорин «отвечал, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имея такого милого мужа, как он» (стр. 19). Наконец, говоря о нраве и воспитании Бэлы, Максим Максимович опять-таки называет ее «черкешенкой» и противопоставляет ее грузинкам и закавказским татаркам: «Вы черкешенок не знаете, отвечал я; это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, — совсем не то. У них свои правила, они иначе воспитаны» (стр. 23—24).

¹ Т. V, стр. 195—196.

² Леонид Семенов. М. Ю. Лермонтов. Заметки. V. Какие языки знал и изучал Лермонтов? стр. 257.

³ Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1941, стр. 99—100.

⁴ Здесь и дальше приводятся страницы из «Героя нашего времени» по: М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Изд. 4, ГИХЛ, М.—Л., 1931.

⁵ Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1941, стр. 88.

Но этого мало, Печорин, увидя женщин в ауле отца Бэлы, сказал: «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках» (стр. 12).

Наконец, о черкесах упоминается еще в двух местах повести. Перед рассказом о Бэле Максим Максимович говорит: «Да вот хоть черкесы, — продолжал он: как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка» (стр. 10).

Наконец, на вопрос автора, зачем Казбич хотел увести Бэлу, Максим Максимович отвечает: «Помилуйте. Да эти черкесы известный воровской народ» (стр. 38). Отсюда можно вывести заключение, что Казбич — черкес.

Между тем отец и брат Бэлы — татары. «Раз приезжает сам старый князь, — рассказывает Максим Максимович, — звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки, так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин» (стр. 12). Про Азамата Максим Максимович говорит: «Засверкали глаза у татарченка, а Печорин будто не замечает» (стр. 18).

Итак: действие «Бэлы» происходит в Чечне; Бэла — черкешенка и даже противопоставляется грузинкам и закавказским татаркам; женщины в ее ауле — черкешенки; Казбич — черкес; однако отец Бэлы и брат Азамат — татары.

На основании этих данных, нисколько не нарушающих очарования гениальной повести, невозможно сделать заключения относительно того, на каком языке говорят герои повести.

Сам Лермонтов именует его «татарским», под которым в его время понимали все тюркские языки Кавказа, т. е. азербайджанский, ногайский, кумыкский и др.

В связи с этим вопрос о «татарском» языке во времена Пушкина, Лермонтова, даже Л. Толстого (в период написания «Казачков») — вопрос спорный.

Спорность его усугубляется еще тем, что тогда называли «татарами» не только представителей различных тюркоязычных народов, но и всех вообще мусульман, о чем писал Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 г.»¹

Это понимание слова «татарин» в смысле «мусульманин» надо иметь в виду при чтении произведений Лермонтова, например стихотворения «Свиданье». Как известно, в этом стихотворении на фоне объятых «молчаньем Тифлиса с синей Курой», где «улицей пустынной» идут «четы грузинских жен», изображен татарин:

Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера сказал как бешеный
Татарин молодой.

В «Бэле» о татарском языке упоминается в следующих местах.

¹ «... мусульмане (так зовутся татары, служащие в нашем войске)» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. IV, под редакц. М. А. Цявловского, Academia, 1936, стр. 413).

Так, Печорин рассказывает Максиму Максимовичу, что нанятая им духанщица знает по-татарски и, очевидно, может договориться с Бэлой.

«Я нанял вашу духанщицу, говорит он, она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя» (стр. 22).

Рассказывая историю Бэлы, Максим Максимович говорит, что Печорин учился по-татарски. По его словам, «долго бился с нею [т. е. Бэлой, — М. М.] Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему» (стр. 22).

Таким образом, Лермонтов дважды говорит в «Бэле» о «татарском» языке, о котором он писал Раевскому с Кавказа еще в 1837 г.

Элементы «татарского» языка в повести «Бэла» представлены следующими словами:

- 1) *Валлах*. — «Валлах. Это правда, истинная правда» (стр. 15).
- 2) *Гурда*. — «... а шапка его настоящая гурда» (стр. 15).
- 3) *Джанечка*. — «Я здесь, подле тебя, моя джанечка» (стр. 38).
- 4) *Йок*. — «„Йок, не хочу“, — отвечал равнодушно Казбич» (стр. 15).
- 5) *Тхе*. — «У меня же была лошадь славная, и уже не один кабардинец на нее умиленно поглядывал, приговаривая: „Якши тхе, чек якши“» (стр. 14).
- 6) *Урус*. — «„Нет. Урус яман, яман“. Заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс» (стр. 20).
- 7) *Чек*. — «Якши тхе, чек якши» (стр. 14).
- 8) *Якши*. — «Якши тхе, чек якши» (стр. 14).
- 9) *Яман*. — «Яман будет твоя башка» (стр. 12); «Урус яман, яман» (стр. 20).

Сказка «Ашик-Кериб» (1837) является пересказом восточной сказки об Ашик-Керибе, слышанной Лермонтовым на Кавказе. Небезынтересно отметить, что летом 1837 г. Лермонтов был в Шемахе и что к лермонтовской записи близок вариант этой сказки, записанной в Шемахинском уезде Бакинской губернии, со слов ашика Оруджа, жителя селенья Тирджан.¹

Восточные элементы в «Ашик-Керибе» представлены следующими словами:²

1) *Ага*. — «Виноват, Ага, сказал Ашик, я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс... Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб... Ага, конечно, благоденствие твое велико, но сделай еще больше» (стр. 223).

2) *Аллах*. — «Много аллах дал ему золота» (стр. 222, см. также стр. 222, 223, 224).

¹ М. Ю. Лермонтов, Избр. произвед., т. IV, М., Гослитиздат, 1941. Примечания стр. 386.

² Цитаты из «Ашик-Кериба» приводятся по: М. Ю. Лермонтов, Избр. произвед., Гослитиздат, 1941.

3) *Ана*. — «...стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: Ана, ана (мать), отвори: я божий гость» (стр. 223—224). «Ана, отвечал он, я здесь никого знакомых не имею и поэтому повторяю мою просьбу» (стр. 224).

4) *Ашик*. — «И одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему» (стр. 222).

5) *Бек*. — «Добрый путь, кричал ему бек, куда ты пошел, странник, я твой товарищ, товарищ» (стр. 222).

6) *Караван-сарай*. — «Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай» (стр. 223).

7) *Керван*. — «...в это время отправлялся один купец с керваном из Тифлиса с сорока верблюдами и 80-ю невольниками» (стр. 223).

8) *Маулям*. — «Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери» (стр. 224).

9) *Намаз*. — «Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе».

10) *Оглан*. — «И слышит громкий голос: „Оглан, что ты хочешь делать?“» (стр. 223).

11) *Паша*. — «...и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-кериба» (стр. 223, см. также другие фразы на этой же странице).

12) *Сааз*. — «...играя на саазе (балалайка турец.) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых» (стр. 222, см. также стр. 223, 224).

13) *Селям алейкум*. — «И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: „Селям алейкум: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за это я спою вам песню“» (стр. 224).

14) *Чапра*. — «Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатой чапррой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу, а в другой острый кинжал» (стр. 224, см. также стр. 225).

15) *Чауш*. — «Его чауши измучились, бегая по городу» (стр. 223). В «Ашик-Керибе» упоминаются следующие собственные имена:

1) *Ашик*. — «...спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота» (стр. 224, см. также стр. 222).

2) *Ашик-Кериб*. — «Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб» (стр. 222, см. также стр. 223, 224, 225).

3) *Аяк-Ага*. — «Хорошо, отвечал он, положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери» (стр. 222).

4) *Кериб*. — «И он начал петь: „Я бедный Кериб (нищий)“, — и славил он бедных» (стр. 224).

5) *Куршуд-бек*. — «Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она согласится стать женою Куршуд-бека,

который давно уже за нее сватается» (стр. 222, см. также стр. 223, 224, 225).

6) *Магуль-Мегери*. — «...но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери» (стр. 222, см. также стр. 223, 224, 225).

7) *Рашид*. — «После этого мать его зарыдала и спрашивает его: „Как тебя зовут?“. „Рашид“ (храбрый), отвечал он. „Раз говори, другой раз слушай, Рашид, сказала она“» (стр. 224).

8) *Хадерилиаз*. — «Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (Св. Георгий)» (стр. 223).

9) *Хадерилиаз*. — «Но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утеса» (стр. 224).

10) *Хадрилиаз*. — «Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвив: „Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз“, — и мать его прозрела» (стр. 225).

11) *Халаф*. — «Прибыл он наконец в Халаф» (стр. 223, см. также стр. 223, 224).

12) *Шинди гёрурсез*. — «Тогда Куршуд-бек спросил его: „а как тебя зовут, путник?“. „Шинди гёрурсез“ (скоро узнаете) ... „многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали — «шинди гёрурсез» (скоро узнаете), и вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя“» (стр. 224).

В 1841 г. Лермонтов написал четверостишие, представляющее начало задуманного стихотворения.

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснее как дева младая
Капгар молодой туксус.

В этом стихотворении привлекают внимание слова «капгар» и «туксус».

Н. Л., автор заметки «Об одном стихе Лермонтова»,¹ пишет, что, по толкованию проф. В. Д. Смирнова, «капгар» (которое прежде печаталось вместо «капгар») и «туксус» не имеют смысла и что, по его мнению, Лермонтов, вероятно, написал: «капгар» («кап-кара» — «очень черный») и «ступ-дус» («ступ-дус» — «очень гладкий»). Н. Л. справедливо считает возможным принять толкование проф. В. Д. Смирнова лишь в отношении слова «капгар», предлагая передать его словами «жгучий брюнет».

«Туксус» означает безусый. Объяснение этого слова «туксус» («туксюс») дал еще Марлинский в повести «Мулла Нур». Описывая двор мечети в Дербенте, он говорит о татарах длиннобородых («бнюк сакаль»), о молодых людях уже с усами («туккли») и, наконец, о безбородых отроках или юношах от 10 до 17 лет («туксюс»).²

¹ Н. Л. Об одном стихе Лермонтова. Восток, кн. III, М.—Л., 1923, стр. 181—182

² А. А. Марлинский. Мулла Нур. Библиотека для чтения, т. XVIII, 1836, № 7, стр. 29; М. Ю. Лермонтов, Полн. собр. соч., т. I, под редакц. Б. М. Эйхенбаума, Academia, М.—Л., 1936, стр. 253.

Нельзя говорить о совершенстве и точности транскрипции Лермонтова. В этом отношении характерным примером может служить передача одного и того же собственного имени в форме: «Хадерилияз», «Хадерилияз» и «Хадрилияз».

Несмотря на несовершенство транскрипции все же можно сделать некоторые выводы. За исключением кабардинского слова «тхе» все вышеприведенные слова из произведений Лермонтова могут быть отнесены к тюркским языкам, в том числе и к азербайджанскому языку, с учетом того, что слова «аллах», «ашик», «валлах», «мауля», «селям алейкум» — арабского происхождения, слова — «карван», «намаз», «саз» и «караван-сарай» — персидского происхождения.

Если учесть,

1) что эти слова могут быть отнесены к азербайджанскому языку,
2) что форма «гёрурсез», точнее «гёрюрсюз», наблюдается в диалектах азербайджанского языка,

3) что слово «чапра» напрашивается на сопоставление с такими словами, как сэрэг 'забор', 'тын', 'частокол', 'плетень', 'живая изгородь', сөрөлөшөк 'огородить', 'загородить', 'перегородит.' (стр. 173—174), саграшық 'спутанный', 'перепутанный', 'скрещённый' (стр. 163),¹

4) что вариант лермонтовской записи «Ашик-Кериба» близок варианту этой сказки, записанной в Шемахинском уезде, и что поэт летом 1837 г. жил в Шемахе,

5) что Лермонтов в письме к Раевскому говорит о распространенности на Кавказе и вообще в Азии языка, именуемого им «татарским», а таким является азербайджанский язык, — то можно считать, что Лермонтов изучал именно азербайджанский язык, называя его «татарским».

К вышесказанному следует добавить, что исследователи литературы Иракий Андроников и М. Рафили высказывались в том смысле, что азербайджанским фольклором и языком Лермонтов мог заниматься с известным азербайджанским поэтом Мирзой Фатали Ахундовым (1812—1878 г.). Так, Иракий Андроников, не приводя лингвистических соображений и ставя знак равенства между татарским и азербайджанским языками, предполагает, что Лермонтов брал уроки азербайджанского языка у поэта Мирзы Фатали Ахундова, который с 1834 г. жил в Тифлисе и состоял в должности переводчика с восточных языков при канцелярии главноуправляющего на Кавказе барона Розена.

В 1837 г. Ахундов написал элегическую поэму на смерть Пушкина. Подлинный перевод этой поэмы, сделанной автором, был помещен в апрельском номере «Московского Наблюдателя». Второй перевод этой поэмы, отличающийся от первого некоторыми стилистическими поправками, был сделан Бестужевым-Марлинским.

¹ Азербайджанско-русский словарь, под редакц. Н. Нусейнов, Баку, 1939.

Ир. Андроников, отмечая, что Бестужев-Марлинский, в период своей жизни в Дербенте (1830—1834) занимавшийся изучением тюркского языка,¹ с начала 1837 г. до своей гибели в сражении с цебельдинцами у мыса Адлер в июне того же года брал у Ахундова уроки азербайджанского и персидского языка, предполагает, что знакомство Лермонтова с Ахундовым произошло через Одоевского.

«Но нельзя допустить, — пишет автор «Новых разысканий» о Лермонтове, — что два поэта, создавшие замечательные стихи на смерть Пушкина, не встретились бы в маленьком городке, каким был Тифлис, насчитывавший в то время всего лишь тридцать тысяч жителей».²

Доказательством встречи Лермонтова с Ахундовым он считает запись поэта, относящуюся к пребыванию Лермонтова в Тифлисе 1837 г.: «ученый татарин Али».³

Гипотеза Ир. Андроникова о знакомстве Лермонтова с Ахундовым была поддержана М. Рафили. В своем докладе, сделанном 27 V 1940 в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, он «привел ряд весьма убедительных доводов в защиту возможности общения Лермонтова с Фатали в Тифлисе. Так, молодой Ахундов, наряду с Лермонтовым и независимо от него, был автором стихотворения на смерть Пушкина, уже в марте 1837 г. переведенного на русский язык и напечатанного в „Московском Наблюдателе“. Это не могло не вызвать естественного интереса Лермонтова и Ахундова друг к другу».⁴

Слова Лермонтова о том, что его знания «татарского» языка могли бы ему впоследствии пригодиться («да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться»), понимают в том смысле,⁵ что он мог бы применить их в посвященной кавказской жизни последней части задуманной им трилогии, части, о которой он говорил секунданту Глебову, едучи с ним к месту роковой дуэли у подножья Машука.⁶

Занятия Лермонтова «татарским» языком и кавказским фольклором обогатили его поистине бессмертные произведения. С другой стороны, интерес Ахундова к русской литературе, запечатленный элегической поэмой на смерть Пушкина, оплодотворил его творчество.

Так, уже в далекие от нашей эпохи времена раскрываются органические связи и взаимовлияния литератур великого русского и азербайджанского народов.

¹ М. Рафили. Пушкин и Мирза Фатали Ахундов. Пушкинский вестник, 2, М.—Л., 1936, стр. 246.

² Ираклий Андроников. Лермонтов. Новые разыскания, 1948, стр. 145—148.

³ Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии. Красная Новь, 1939, X—XI, стр. 252—255.

⁴ Литературная газета, 1940, № 30, стр. 2.

⁵ Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии. Красная Новь, 1939, X—XI, стр. 256.

⁶ Исторический вестник, 1892, № 4, стр. 90.